

Имя героя и концепция образа в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»

С. М. АЮПОВ

Россия, Уфа, БашГУ

Abstract: The article is devoted to the connection of names with images of these heroes in the novel «Fathers and sons». The idea of the article is that the name of the hero is a motive of the same image and the plot of the novel only comments on the meaning of this name. In the process of analysis the second plane of Turgenev's well-known images is being opened. The connection of one word and the whole text is shown in this novel.

Завершая начальную главу «Евгения Онегина», поэт замечал:

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу¹.

В этом признании, раскрывающим сам процесс рождения произведения, одинаково важным являются общее — композиция („форма плана“) и частное имя героя („как героя назову“). Для автора «Онегина» это два равноценных, органически связанных между собой компонента литературного целого. Мысль Пушкина о соотнесении имени героя с художественным миром произведения получила подтверждение в ряде работ известных ученых. По мнению О. М. Фрейденберг, «герой делает только то, что семантически сам обозначает»². Обязательную связь имени героя с произведением подчеркнул в своей книге «Имена» известный философ Павел Флоренский. «Эти (художественные. — С. А.) образы, — пишет он, — суть не иное что, как *имена* в развернутом виде. Полное развертывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля соответственных имен»³. Ту же точку зрения разделяет и В. Н. Турбин: «судьбы Татьяны, Ленского и Онегина предсказаны именами, которые были им даны»⁴. Эти суждения утверждают обратную связь между именем героя и его образом, т.е. между именем и его бытием в художественной системе.

Между тем, самих работ, посвященных раскрытию этой эстетической диалектики, или связи имени героя со стилем конкретного про-

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин: Полное собрание сочинений в десяти томах, 5. Ленинград 1978. 29.

² Фрейденберг О. М. Мотивы: Поэтика, труды русских и советских поэтических школ. Будапешт 1982. 679.

³ Священник Павел Флоренский. Имена. Кострома 1993. 25.

⁴ Турбин В. Н. Поэтика романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Москва 1996. 107.

изведения в отечественном литературоведении, очень мало. И творчество Тургенева здесь не исключение. Поэтому наш анализ романа «Отцы и дети» в этом аспекте заслуживает внимания. В статье исследуется имя одного из героев романа (Павла Петровича Кирсанова) в сопряжении со всем остальным словесно-стилевым полем, входящим в его образ.

Впервые имя старшего Кирсанова полностью названо в начале главы IV романа, в день приезда Аркадия и Базарова в Марьино. Сначала имя героя представлено в связи с изображением его слуги: «...вслед за ней вышел из дома молодой парень ... слуга Павла Петровича Кирсанова»⁵. Чуть позже в действие романа включается и сам персонаж: «...но в это мгновенье вошел в гостиную человек среднего роста... Павел Петрович Кирсанов» (VIII. 18). Уже сама лексика, входящая в это имя, образует «говорящий» художественный ряд (контест), словесное поле, достаточное для литературоведческого анализа. Все три слова имени («Павел Петрович Кирсанов») составляют однородный смысловой ряд по религиозному признаку: «Павел, Петр и Хрисанф» (Кирсан — разговорный вариант этого имени) — имена трех ревностных христианских проповедников I–III вв. н.э. Трагический финал объединяет жизнь и деяния этих подвижников: все они приняли мученическую смерть за проповедь идей своего Учителя⁶. Несмотря на индивидуальные, биографические различия между ними, их всех роднит эта идея высокого страдания, возвыщенно-трагических переживаний во имя Божие.

Включив имена трех подвижников и мучеников в состав имени своего героя, Тургенев тем самым предопределил эмоциональный пафос, семантику и романную судьбу созданного им образа. Этот мотив «высоких, идеальных и в то же время трагических, мучительных страданий и переживаний во имя чего-то», заключенный в имени тургеневского персонажа, подтверждается в последующих романских событиях с участием Кирсанова. Мотив, заявленный в имени героя уже в IV главе романа, в дальнейшем лишь развернется в словесно-речевом поле вокруг этого героя. Причиной же высокого и одновременно мучительного страдания Кирсанова в «Отцах и детях» станет его роковая любовь к загадочной княгине Р. В сюжете же романа черты давно умершей женщины неожиданно для Кирсанова воскреснут в облике Фенечки, «особенно в верхней части лица» напоминающей Нелли, княгиню Р. (VII. 148). Поэтому в настоящем повествовании «Отцов и детей» «простушка» Фенечка и явится источником тайных душевных

⁵ Тургенев И. С. Отцы и дети: Полное собрание сочинений и писем в 30-и томах. Сочинения, VII. 17. В дальнейшемсылаемся на это издание в тексте указанием тома римской цифрой, а страницы арабской цифрой.

⁶ См.: Аверинцев С. С. Павел: Мифологический словарь. Москва 1991. 422; Нестерова О. Е. Петр: Там же, 439–440; Хрисанф: Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 74. СПб. 1903. 623.

мук Павла Петровича («Ах, как я люблю это пустое существо! — простонал Павел Петрович, тоскливо закидывая руки за голову» VII. 149). В отношении Кирсанова к ней и будет реализована в романе идея высокого, идеального страдания, изначально закрепленная в имени героя. Сама же Фенечка бесконечно далека от душевной драмы героя, ему внутренне чужда, между ними невозможно взаимопонимание, исключен диалог. Только из-за внешнего сходства она связывает прошлое и настоящее в жизни героя: она — тень любимой женщины, воспоминание о ней. Она невольный источник одновременно и возвышенных и безнадежных (т.е. идеальных, романтических) страданий и переживаний незаурядного человека.

Появление Фенечки в имении Кирсановых за три года до начала собственно романых событий, заставляет Павла Петровича совершенно уединиться в Марьино и никуда из него не выезжать (VII. 33). Сразу же после приезда Базарова у Кирсанова-старшего возникает чувство ревности, подозрительности, переходящее затем (после поцелуя в беседке) в ничем неистребимую ненависть к „нигилисту“, к решительным действиям по выдворению Базарова из Марьино, к дуэли. «Сосредоточенное» и «угрюмое» лицо Кирсанова в главе IV (появление «нигилиста» в доме Кирсановых) связано с тем, что приезд Базарова может разрушить хрупкую гармонию его нынешних отношений с Фенечкой (так оно и происходит). А в главе XXIV происходит полная драматизма, прекрасно-трагическая развязка сюжетной линии «Павел Петрович — Фенечка».

Указанная сюжетная линия, как отмечалось, завязывается в конце четвертой главы, в день приезда Базарова. Однако до сих пор еще не обращали должного внимания на характер размышлений сидящего «далеко за полночь» в своем кабинете Павла Петровича.

В предпоследнем предложении главы автор характеризует в целом внутренний мир своего героя: «Бог знает, где бродили его мысли, но не в одном только прошедшем бродили они: выражение его лица было сосредоточено и угрюмо, *чего не бывает, когда человек занят одними воспоминаниями*» (VII. 21; здесь и далее выделено мной. — С. А.). Автор отмечает здесь переплетение прошлого и настоящего в раздумьях героя. А в следующей, заключающей главу фразе, ненавязчиво, по-тургеневски тонко намекает на предмет его раздумий: «А в маленькой задней комнатке, на большом сундуке, сидела, в голубой душегрейке и с наброшенным белым платком на темных волосах, молодая женщина, Фенечка...» (VII. 21). Не только стык предложений и красноречивый, словно живой вздох, союз «а», придающий всему высказыванию теплую, нежную, лирическую окраску, но и сами эпитеты — «голубоватое» и «голубой», включенные в изобразительную характеристику героев, соотносят его раздумья с образом Фенечки. Ср.: «... он не читал; глядел пристально в камин, где, то замирая, то вспыхивая, вздрагивало голубоватое пламя ...»; и — «... сидела в голубой душегрейке ... молодая

женщина». Именно «голубоватое», а не «голубое» пламя. В контексте заключительных предложений главы эпитет «голубоватое» есть метафора прежней романтической любви Павла Петровича, отблеск его былых чувств и переживаний, которые теперь ассоциируются не только с княгиней Р., но и с Фенечкой. «Сосредоточенность» и «угрюмость» героя, как мы писали выше, связаны с тем, что приезд Базарова может нарушить хрупкую гармонию его нынешнего положения в доме брата, т.е. вторгнуться в его тайные сердечные отношения к Фенечке. Не случайно на следующее утро, за чаем, Павел Петрович задает Аркадию вопрос о сроке пребывания его приятеля в Марьино: «Долго он у нас прогостит?» (VII. 24). Этот вопрос выдает тревогу Кирсанова, его желание поскорее избавиться от чужого и чуждого человека. В той же V главе (до прихода Базарова пить чай в беседку) автор как бы случайно, как в предыдущей главе, синтаксически, но теперь в пределах одного предложения, соотносит Павла Петровича и Фенечку: «Она несла большую чашку какао и, поставив ее перед Павлом Петровичем, вся застыдилась: горячая кровь разлилась алою волной под тонкой кожей ее миловидного лица» (VII. 26). Изображение героев в одном синтаксическом целом в контексте предыдущего описания их в разных предложениях свидетельствует о дальнейшем сближении автором этих героев в повествовании, об оформлении словесно-речевого потока, с ним связанного, в самостоятельную сюжетную линию «Отцов и детей». С фрагментом главы IV этот отрывок главы V перекликается и по цвету: «голубая душегрейка» дремлющей на сундуке Фенечки и ее же «голубая новая косынка» утром следующего дня. Один и тот же цвет способствует сопряжению, единению удаленных друг от друга повествовательных фрагментов.

Окончательно сюжетная линия «Павел Петрович — Фенечка» оформляется в главе VIII, во время встречи героев в комнатке Фенечки.

Однако в сюжете романа этому эпизоду предшествует вставная новелла о Павле Петровиче, о его необыкновенной любви к странной княгине Р. с загадочным взглядом. Казалось бы, что может быть общего между событиями из романтического прошлого Кирсанова (глава VII) и его настоящим посещением к Фенечке, которое произойдет в следующей, восьмой главе? Тем не менее, обе главы объединят мотив прекрасных (во имя любви) и вместе с тем мучительных страданий, которые ожидают Кирсанова впереди, задан уже в самом начале седьмой главы, так как «история дяди» Аркадия начинается с обозначения полного имени героя: «Павел Петрович Кирсанов воспитывался сперва дома ...» (VII. 30). Мотив страдания героя, заключенный в его имени, так или иначе должен реализоваться в последующем повествовании (так оно и происходит). Вместе с тем повествование главы актуализирует и семантику имени героя как такового, т.е. смысл первого слова именной триады — «Павел». Благополучное, удачное течение жизни, весь прежний блестяще-светски строй жизни героя резко меняется после

встречи с загадочной женщиной: «На двадцать восьмом году от роду он уже был капитаном; блестящая карьера ожидала его. Вдруг все изменилось» (VIII. 30). Этот крутой перелом в судьбе тургеневского героя сближает его с судьбой первоапостола Павла, в которую также вошло событие, кардинально изменившее весь прежний порядок его жизни. Известно, что приверженец канонического иудаизма, гонитель первых христиан, Павел на пути в Дамаск созерцает чудесное видение и слышит голос самого Господа; это событие принципиально изменяет и мировоззрение, и судьбу Павла. Таким образом, в жизни обоих Павлов (и христианского и светского) обнаруживается общая типологическая черта. Повествование этой главы «Отцов и детей» реализует сему «резкий перелом в судьбе» человека, который объединяет двух Павлов⁷.

Вместе с тем христианская семантика имени тургеневского героя в целом (Павел Петрович Кирсанов) отражена в тексте и непосредственным образом, в прощальной реплике-жесте княгини Р.: «Через несколько времени он получил пакет, адресованный на его имя: в нем находилось данное им княгине кольцо. Она провела по сфинксу крестообразную черту и велела сказать, что крест — вот разгадка» (VII. 32). Здесь сфинкс метафора загадочной, непостижимой, мучительной любви, той любви, которую испытал Кирсанов к этой странной женщине. Проведенная по сфинксу ею крестообразная черта, это ответ княгини Р. Кирсанову, ответ, который конечно, не может претендовать на объяснение самой природы любовного чувства, захватившего Кирсанова. Она изначально не поддается разгадке. В данном случае крест имеет сугубо символический смысл: он имеет прямое отношение к дальнейшей (без княгини Р.) жизни героя, он предрекает ее. Любовь к загадочной женщине и есть жизненный крест Кирсанова, обреченного нести его до конца своей жизни⁸. Предсказание княгини Р. сбывается: в романе ее черты неожиданно воскресают в облике Фенечки, и Павел Петрович вновь обречен на глубокие нравственные страдания. «Ах, как

⁷ См. Аюпов С. М. Об одной сюжетной линии в романе «Отцы и дети» И. С. Тургенева: Он же. Художественный мир русской прозы, Сыктывкар 1994. 34; Он же. Тургенев-романист и русская литературная традиция. Сыктывкар 1996. 90. На этих страницах читаем: «Соотнесенность имен первоапостола Павла и тургеневского героя обнаруживается и в сходстве их биографий: оба героя испытывают нравственный перелом, который разделяет их жизни на две контрастные половины».

⁸ По иному трактует «крестообразную черту» на сфинксе В. А. Недзвецкий. По его мнению, «крест — знак отречения личности от любимых мыслей и мечтаний, как бы они возвыщены не были» (5, 129). «Однако вне реализации подобных мечтаний для Павла Петровича утрачивали смысл не только служебная карьера или реформаторская деятельность в духе его брата Николая, но и сама жизнь. Не ожидая более „ничего ни от себя, ни от других и ничего не предпринимая“ (7, 32), он затворился в деревне, где держался особняком от всех и, действительно, не жил, а лишь влажил существование, «да он и был мертвец» (7, 154), — говорит о нем автор романа. См.: Недзвецкий В. А. Противники и собратья по судьбе. Базаров и Павел Кирсанов: Литература в школе 1998/7. 26. См. также его работу «Русский социально-универсальный роман. Становление и жанровая эволюция. Москва: Диалог МГУ, 1997. 168.

я люблю это пустое существо! — простонал Павел Петрович, тоскливо закидывая руки за голову» (VII. 149). Вместе с тем слово «крест» здесь обладает не только метафорическим, но и непосредственно-религиозным смыслом: это символ высокого, прекрасно-трагического страдания, роднящего тургеневского героя с тремя знаменитыми христианскими подвижниками, отдавшими свои жизни во имя слова Божия, — Павлом, Петром и Хрисанфом.

В главе VIII Павел Петрович (впервые за три года) посещает комнатку Фенечки.

Организующим повествование мотивом в этой главе является мотив взглядывания, всматривания героя в лицо Фенечки.

«Извините, если я помешал, — начал Павел Петрович, не глядя на нее...».

«А у вас здесь я вижу, перемена, — прибавил он, бросив вокруг быстрый взгляд, который скользнул и по лицу Фенечки».

«Павел Петрович остался один (Фенечка вышла за Митей — С. А.) и на этот раз с особенным вниманием оглянулся кругом» (и вновь на первом плане всматривание героя на этот раз в предметы, окружающие дорогое ему существо).

И, наконец, заключительный в этом ряду фрагмент текста: «Да ... несомненное сходство. — Он внимательно, почти печально посмотрел на Фенечку» (VII. 38).

В русской литературе указанный мотив восходит к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Нет, не тебя я так пылко люблю...» (1841). Пафос этого лермонтовского шедевра заключен в трагической невозвратимости прошлой любви, которая мыслится лирическим героем как высшая ценность его жизни. «Прошлое страдание», словно рок, тяготеет над героем, и годы спустя, определяет сокровенный строй его переживаний и чувств. Лирический герой Лермонтова долго и упорно всматривается в светскую красавицу („в твоих чертах ишу черты другие“), словно ожидая чудесной подмены настоящего прошлым. Эта упорная, почти болезненная сосредоточенность лирического героя на прошлом в его жизни придает этому прошлому особую масштабность: «юные дни», «погибшая молодость» разрастаются до ощущения целой жизни, до ощущения завершенности человеческой судьбы.

Этот же мотив, мотив взглядывания в лицо реальной женщины, с его той же трагической окраской составляет основу образа Павла Петровича Кирсанова. Как и любовь лермонтовского героя к «другой женщине», так и любовь тургеневского Кирсанова к кн. Р., стала смыслом его существования, определила на многие годы его судьбу и душевную жизнь. Фенечка, подобно светской красавице, тень любимой женщины, отблеск прежней любви. Мотив глубоко затаенного страдания очевидно пропадает в повествовании главы благодаря заключенной в нем лирической реминисценции.

Таким образом, эта реминисценция, выражающая выше указанный мотив, органически соотносится с семантикой имени литературного героя (мотив высокого нравственного страдания). Она как бы откликается на значение имени героя в сюжете произведения. Вместе с тем реминисценция подтверждает правильность нашего анализа имени тургеневского героя.

Указанная сюжетная линия во второй и в последний раз во всех деталях предстанет перед читателем в главе XXIV, когда Павел Петрович и Фенечка вновь сойдутся в очной встрече, один на один. Однако на протяжении многих глав, расположенных между главами восьмой и двадцать четвертой, связь двух героев будет неоднократно подчеркнута в романе. Так, в главе X, где в идеологическом поединке сошьются Базаров и Павел Петрович, последний будет ратовать за обязательность «принципов» для каждого человека: «... без принципов жить в наше время могут одни безнравственные или пустые люди» (VII. 48). Между тем, позже Павел Петрович откажется от исповедуемого им принципа социального равенства в браке, настойчиво прося брата, дворянина, жениться законным образом на мещанке Фенечке. Примечательно, что в главе находит отражение семантика отчества героя — «Петрович», производного от слова «Петр». Известно, что имя-слово «Петр» изначально происходит из греч. πέτρος ‘камень’, а также греч. πέτρα ‘скала, утес, каменная глыба’. Эта первичная семантика слова «Петр» реализуется в главе X, в речи героя, во время его «схватки» с Базаровым: «Личность, милостливый государь, — вот главное; человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится» (VII. 48). Эта «крепость» личности, по мнению Кирсанова, основывается на «принципах», на твердых правилах жизни, обязательных для каждого человека. Таким образом, значение слова «Петр» — «скала», «камень» соотнесено в романе с аристократическими «принципами» Кирсанова. Оба явления — физическое и нравственное — имеют общую сему «крепкое, твердое».

В заключении главы XXIV сюжетная линия «Павел Петрович — Фенечка» достигает своей кульминации, исчерпывая свой эстетический потенциал. Здесь с особой силой подчеркнута идея высокого страдания, являющаяся лейтмотивом образа Кирсанова. Исследователи давно отметили лермонтовскую реминисценцию из поэмы «Демон» в описании героя, данного глазами Фенечки. Ср.: «... глаза его блестали, и, что всего удивительнее, тяжелая, одинокая слеза катилась по его щеке» (VII. 152). У Лермонтова: «И, чудо! из померкших глаз | Слеза тяжелая катится...»⁹. Эта реминисценция и подтверждает, и усиливает мотив глубокого неизбывного нравственного страдания, которое постоянно живет в душе тургеневского героя. «Демонический» элемент в образе

⁹ См.: Жук А. А. Русская проза второй половины XIX века. Москва 1981. 59; Лермонтов М. Ю. Сочинения в 6-и томах, 4. Москва—Ленинград 1955. 200.

Кирсанова подчеркивает высшую степень его мук и страданий, и гармонирует с семантикой его имени, образуя с ним единое по смыслу образное поле. С этой лермонтовской реминисценцией соотносятся и другие вкрапления из лирики М. Ю. Лермонтова, вошедшие в последующее описание Кирсанова. Так, слова Кирсанова, сказанные им в полузыбытии, в «легком бреду»: «Ах, как я люблю это пустое существо! — простонал Павел Петрович ... Я не потерплю, чтобы какой-нибудь наглец посмел коснуться ... лепетал он несколько мгновений спустя», — восходят к стихам Лермонтова из его «Стансов. К Д***» (1831). В них имеются такие строки: «Какое право им дано | Шутить святынею мою? | Когда коснуться я не смею, | Уже ли им позволено?»¹⁰ (поцелуй Базарова в беседке, подсмотренный Павлом Петровичем). Первая строфа этих стансов точно и полно передает чувство, испытываемое Павлом Петровичем к Фенечке, которая в его сознании сливаются с княгиней Р.: «Я не могу ни произнесть, | Ни написать твое название: | Для сердца тайное страданье | В его знакомых звуках есть»¹¹. Для героя Тургенева чувство к Фенечке и есть «тайное страданье» сердца: в звуках ее имени таится прошлая, не утихающая боль былой любви. С особым драматизмом передана в главе сама развязка сюжетной линии «Павел Петрович — Фенечка». Для усиления драматизма в этом описании героя, для более выразительной его обрисовки, автор выделяет предложения, изображающие Фенечку и Павла Петровича, в самостоятельные абзацы, тем самым повышая эстетический статус этого предложения:

«„Господи! — подумала она, — уж не припадок ли с ним?...“
А в это мгновение целая погибшая жизнь в нем трепетала» (VII. 152).

Сила прошлой любви на короткое время заслоняет в сознании героя все остальное, весь мир для него в это мгновение оказывается равновелик его испепеляющему чувству. Отсюда и авторская фраза-сгусток, вобравшая в себя и красоту, и трагизм этой человеческой любви. Как в стихотворении Лермонтова, так и в романе Тургенева утрата единственной любви оборачивается духовной катастрофой героя. В этой фразе Тургенев рисует последний всплеск былого в герое, понятного ему одному. Характерно, что выражение «целая погибшая жизнь» есть стилистическая вариация лермонтовского стиха «И молодость погибшую мою» из выше упомянутого лермонтовского стихотворения. Лермонтовская реминисценция маркирует и первую, и последнюю встречу этих героев наедине, начиная и венчая эту сюжетную линию, или образуя гармоническую кольцевую композицию этого романного сюжета, характерную в целом для повествования тургеневских романов. Вместе с тем реминисценции из любовной лирики Лермонтова, наряду с другими стилевыми средствами, вносят в образ Кирсанова и в сюжет

¹⁰ Там же, 1: 231.

¹¹ Там же.

«Кирсанов — Фенечка» метафизическое, глубинное содержание, превращая этот сюжет в еще одну тургеневскую повесть о «трагическом значении любви»¹². Эти реминисценции позволяют осознать сам механизм красоты в литературном произведении, или процесс трансформации реально-чувственного, зримого сюжета в универсальный и вечный. Наш анализ образа старшего Кирсанова подтверждает суждение Д. И. Писарева („Базаров“, 1862) о связи этого героя с образом Печорина¹³, т.е. с традицией Лермонтова. Нам, однако, кажется, что именно поэзия, а не проза Лермонтова всего ближе к этому образу, стилистически ему органичнее.

Повествование конца этой главы, как и предыдущее изложение, связанное с образом Павла Петровича, доказывает, что герой в той или иной форме реализует семантику своего имени в сюжете произведения, и что вместе с тем сама эта семантика выражает пафос высокого, подлинно трагического переживания, вызванного былой любовью. Идея высокого страдания, заключенная в имени, многократно преломляется в повествовании. Имя героя формирует вокруг себя словесно-художественное полеозвучное, органичное его семантике, его значению. Это словесное поле варьирует, аранжирует мотив, манифестируемый именем героя.

¹² См.: Аюпов С. М. Работа над текстом романа «Отцы и дети» в средней школе: Развитие умений и навыков коми учащихся. Методические рекомендации для учителей русского языка и литературы коми школы. Сыктывкар 1991. 46–57. В частности, в ней написано: «Эти же мотивы (т.е. мотивы стихотворения Лермонтова „Нет, не тебя так пылко я люблю...“), та же их трагическая окрашенность составляют основу образа Павла Петровича Кирсанова...» (С. 55). В статье утверждается, что сюжетная линия «Павел Петрович — Фенечка» восходит к этому, трагическому по своему тону, стихотворению поэта, реминисценции из которого вошли в словесную ткань VIII и XXIV глав тургеневского романа. Тезис о трагической сути указанного сюжета мною был развит в статье «Об одной сюжетной линии в романе „Отцы и дети“ И. С. Тургенева», опубликованной в моих книгах: «Художественный мир русской прозы XVIII–XIX вв.» (Сыктывкар 1994. 25–35), «Тургенев-романист и русская литературная традиция» (Сыктывкар 1996. 82–91), а также изложен в Материалах Всероссийской научной конференции: «Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Русская литература». Сыктывкар 1994. 59–61. *Впервые на трагический элемент в образе Кирсанова в связи с его несчастной любовью к Фенечке обратил внимание Ю. Айхенвальд в этюде «Тургенев»: «Тургенев зато искренен и увлекается там, где рисует разлуку с жизнью уходящей, где слышит ее последние грустные аккорды, где в колорите меланхолии показывает эту „одинокую тяжелую“ слезу Павла Петровича, в которой трепещет целая жизнь» (Си-луэты русских писателей, 2. Москва 1994. 260; курсив мой. — С. А.).*

¹³ Тургенев в русской критике. Москва 1953. 293. Тезис о печоринской сути Павла Кирсанова был развит критиком в статье «Реалисты» („Нерещенный вопрос“, 1864): Там же, 357, 358, 365–367. По мнению В. А. Недзвецкого, образ Кирсанова является вариантом героя «слабого» типа. См.: Литература в школе 1998/7. 30. В упомянутой выше статье В. А. Недзвецкого «Противники и собратья по судьбе» (см. прим. 136), в частности, подтвердился наш вывод о том, что сюжетная линия «Павел Петрович — Фенечка», лишена иронии и комизма и является одним из вариантов тургеневской повести «о трагическом значении любви».

Финальные строки, посвященные Кирсанову, вновь актуализируют сему глубокого страдания. В эпилоге представлен двойной облик героя. Внешний, видимый и понятный всем: «совершенный джентельмен», славянофил, человек, еще сохранивший замашки светского льва. И внутренний, скрытый от других, сердечный, пронизанный горькими переживаниями: «... но жить ему тяжело ... тяжелей, чем он сам подозревает... Стоит взглянуть на него в русской церкви, когда прислоняясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...» (VII. 187). Этим описанием, приоткрывающим сокровенное, тайное в жизни Павла Петровича, и завершается рассказ о нем в романе. Характерно, что автор обрывает свое повествование в романе о герое именно в русской церкви, и в тот момент, когда он незаметно от всех крестится (последнее слово образа). Такая концовка еще раз подчеркивает всязь имени героя с христианской культурой в целом, а также актуализирует сам лейтмотив созданного образа.